

7. Севдяяр М. Юрегинде ватан атеши янгъан инсан // Янъы дюнья. – 1998. – 22 июль.

8. Губогло М. Н., Червоная С. М. Крымскотатарское национальное движение. – Москва, 1992. – Т. 1. История. Проблемы. Перспективы. – С.285-286.

Шумский К.В. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТАВРИЧЕСКОЙ ЕПАРХИИ

Сегодня в XXI в. межэтнические и межконфессиональные проблемы стоят перед человечеством не менее, а может быть и более остро, чем сто–двести лет назад. В этой связи особенно актуальным становится изучение исторического прошлого полиэтничных и поликонфессиональных регионов. Одним из таких регионов была Таврическая губерния, являвшаяся частью Российской империи и включавшая в себя Крым и три больших уезда юга Украины – Бердянский, Днепровский и Мелитопольский.

В данной работе мы покажем этноконфессиональные особенности региона и проанализируем позиции православной церкви в нем.

Среди всех регионов современной Украины, входивших в состав Российской империи, Таврическая губерния особенно выделялась своей этнической и религиозной пестротой. Причем присуща она была не каким-либо уездам или местностям, а всей губернии в целом. Регионы Таврии в этом отношении различались лишь спецификой состава населения.

Широкое распространение в губернии получило старообрядчество и сектантство. В апреле-мае 1884 г. в одном из сел Бердянского уезда проходила «всероссийская штундо-баптистская конференция». На ней были указаны те уезды российских губерний, где довольно компактно проживали «всякого рода сектанты», и где «открыты двери для евангельской деятельности» [1]. Таврическая губерния оказалась единственной, вошедшей в этот список целиком, в составе всех своих уездов. При этом она была признана «представляющей особо благоприятные условия для успешного развития миссионерской деятельности» [2].

О степени распространения сектантства в губернии пишет и архиепископ Гурий в своем отчете Синоду: сектанты и старообрядцы живут «плотной массой, составляя целое село или хутор известного убеждения, а отдельными семействами можно встретить ту или иную секту в каждом селе или городе» [3].

Кроме того, в Северной Таврии находились многочисленные поселения неправославных «колонистов-инородцев», главным образом немцев, чехов и голландцев, переселившихся сюда из Западной Европы.

В Крыму издавна жили армяне, евреи, караимы и другие этносы, бережно хранившие свои национальные и религиозные традиции. В том же Крыму обитал многочисленный крымско-татарский народ, исповадовавший ислам.

По сведениям Таврического губернского статистического комитета, в 1897 г. в Таврической губернии проживало 1273816 чел., из них

православных – 922537 чел., мусульман – 176942 чел.¹; протестантов – 60890 чел.; евреев – 41575 чел.; сектантов и старообрядцев – 32982 чел.; католиков – 23301 чел.; армяно-григориан – 8314 чел.; караимов – 7275 чел. [4]. Кроме того, в городах губернии проживало более 20 тыс. иностранных подданных, принадлежавших к разным конфессиям [5].

Таким образом, неправославное население Таврической губернии составляло 1/4 часть ее жителей. Без учета же всех «регулярных и иррегулярных войск, матросов и бессрочноотпускных воинских чинов» [6], которые в своем большинстве были православными, его доля была еще больше.

Более того, кроме оседлых жителей, в губернии всегда находилось большое количество пришлого населения, отличавшегося своей этноконфессиональной пестротой и большой текучестью. В основном это были люди, приехавшие в поисках заработков, а также работавшие на заводах и морских доках. Например, когда в 1880 г. в Севастополе приступили к постройке броненосных судов, туда, на один только завод Русского общества пароходства и торговли, прибыло 12 тыс. рабочих, «среди которых было много штундистов» [7].

Как отмечалось на Таврическом миссионерском съезде в 1899 г., православное население, «окруженное массой иноверного, инославного и расколосектантского населения», находилось с ним в тесных взаимоотношениях. В результате этого оно, знакомясь «с религиозными воззрениями своих соседей... легко проникается духом религиозного скептицизма и индифферентизма» по отношению к православной вере. Более того, в некоторых деревнях жители «обращаясь постоянно среди немцев, а особенно татар, разучиваются даже говорить по-русски и начинают говорить по-татарски или по-немецки» [8].

К демографическим особенностям Таврической губернии можно отнести и то, что значительную часть ее православного населения составляли греки и болгары, не знавшие ни русского, ни церковнославянского языков. Вследствие этого, священники, получившие назначение в такие приходы, вынуждены были самостоятельно изучать родной язык своей паствы [9].

Непростая этноконфессиональная ситуация, сложившаяся в регионе, для государственной церкви осложнялась еще рядом факторов, свидетельствовавших о слабости ее позиций там.

Так, Таврическая епархия как отдельная административно-территориальная единица Русской Православной Церкви (далее – РПЦ), была обра

¹ По сведениям Таврической духовной консистории – 200500 человек.

зована довольно поздно, в 1859 г. До этого губерния в церковно-административном отношении входила в состав Херсонской епархии и православие было представлено исключительно в лице низшего духовенства. В тоже время многие конфессии имели здесь и представителей высшего духовенства. Ислам, например, был представлен в Крыму «во всей полноте своей иерархии во главе с муфтием» [10]. Армяно-григорианский архиепископ имел свою кафедру в Феодосии, куда она была переведена из Кишинева [11].

Наряду с этим можно отметить малочисленность церквей в губернии и значительную удаленность их от поселений, иногда на 10-45 км [12]. В Перекопском уезде, например, насчитывалось всего 5 приходов, а всего церквей в епархии, даже к концу XIX в., не насчитывалось и 300 [13].

Еще хуже дело обстояло с духовенством, дефицит которого неоднократно отмечался в докладах Синоду. Если представителей духовного сословия среди мусульман Таврической губернии в 1891 г. насчитывалось 3271 чел. мужского пола, то среди православных – всего 1451 [14], и это при абсолютном большинстве православного населения.

Еще одной проблемой был низкий образовательный уровень таврического духовенства. Если в центральных епархиях империи уже с конца 40-х годов XIX в. был отмечен избыток выпускников духовных семинарий, то в Таврической губернии в них ощущалась острая нехватка. Из-за «малолюдности и бедности» таврических приходов выпускников семинарий, желавших занять в них вакантные места, находилось совсем немного. Если в целом по империи практически все духовенство имело высшее или среднее богословское образование, то в Таврической губернии в священники зачастую рукополагали «достойнейших», но не имевших специального образования диаконов и псаломщиков, подвергая их лишь «экзамену по расширенной программе духовных училищ» [15].

Даже спустя 10 лет после учреждения Таврической епархии, т.е. в 1869 г. из 266 протоиереев и священников только 171 имел академическое и семинарское образование, а многие из них «и в училищах не обучались» [16]. Из 99 диаконов ни один не имел богословского образования [17]. А ведь по уровню грамотности население Таврической губернии занимало одно из первых мест в империи. Если в уездах Полтавской губернии в 80-х годах XIX в. грамотность колебалась от 3,1 до 5,6%, в уездах Рязанской губернии она составляла 6,2 – 9,9%, а в некоторых уездах Черниговской губернии она не превышала и 2%, то в Таврической губернии грамотное население составляло более 16% [18]. И в этом во многом была заслуга этноконфессиональных учебных заведений. Так, из 930 начальных школ, существовавших в Крыму в 1882 г., 592 принадлежало национальным и религиозным меньшинствам. В их числе было: крымско-татарских – 314, немецких – 186, еврейских – 31, болгарских – 30, греческих – 8, караимских – 7, старообрядческих – 6, армянских – 5, чешских – 2, польско-литовских – 2, эстонских – 1 [19]. Уже в 90-х годах численность многих из них увеличилась в 2-3 раза [20].

Особое положение региона очень хорошо

осознавалось в Синоде, который, однако, был бессилён предоставить адекватную финансовую помощь молодой епархии. В своем исследовании С.В. Римский заключает, что в 50-х – 60-х гг. XIX в. Русская церковь «испытывала серьезные материальные затруднения», которые во многом были следствием усиления зависимости церкви от государства [21].

В этих условиях задача создания действенной церковной инфраструктуры должна была почти всецело лечь на плечи таврических пресвященных и местного духовенства. Характерно, что одним из самых приоритетных направлений их деятельности после учреждения епархии стала организация системы духовно-учебных заведений, которые содержались исключительно на местные епархиальные средства.

Таким образом, можно заключить, что положение православной церкви в Таврической губернии значительно отличалось от общеимперского. Обусловлено это было, с одной стороны, этноконфессиональными и историческими особенностями губернии; а с другой – слабостью некоторых элементов церковной инфраструктуры. Самым приоритетным направлением развития последней стало создание сети духовно-учебных заведений, которые были призваны стать форпостом православия в регионе.

Источники и литература

1. Таврические епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). – 1899. – №15-16. – С. 1141.
2. Там же. – С. 1141–1142.
3. Государственный архив Автономной Республики Крым (далее – ГААРК). – Ф. 118. – Оп.1. – Д.1468. – Л. 33.
4. ТЕВ. – 1899. – № 15–16. – С. 1142.
5. ГААРК. – Ф. 118. – Оп.1. – Д.5028. – Л. 8.
6. Статистико-хронологико-статистическое описание Таврической епархии: общий и частный обзор / Составлено кафедральным протоиереем Михайлом Родионовым. – Симферополь, 1872. – С. 256.
7. ТЕВ. – 1899. – № 15-16. – С. 1089.
8. Там же. – С. 1142–1143.
9. ГААРК. – Ф. 118. – Оп.1. – Д. 1731. – Л. 18–19.
10. ТЕВ. – 1869. – № 1. – С. 22.
11. Там же. – С. 22.
12. Катунин Ю.А. Из истории христианства в Крыму. Таврическая епархия (вторая половина XIX – начало XX в.). – Симферополь, 1995. – С. 17
13. ТЕВ. – 1899. – № 15–16. – С. 1142–1143.
14. Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1893 г. – Симферополь: Изд-е Таврического губернского статистического комитета, 1893. – С. 74.
15. ГААРК. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 1731. – Л. 18-20.
16. ТЕВ. – 1871. – № 12. – С. 369.
17. Там же. – С. 369.
18. Памятная книжка Таврической губернии / Составлена статистическим бюро Губернского земства. – Симферополь, 1889. – С. 41.
19. Ганкевич В. Ю. Этноконфессиональная система народного образования национальных

- групп Таврической губернии (рубеж XIX - XX вв.) / Проблемы сучасної педагогічної освіти. – Київ, 2000. – С.88
20. Там же. – С. 89.

21. Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (церковные реформы в России 1860–1870-х годов). – М., 1999. – С.137

Юрченко С.В. СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СССР, США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1943 г.

1943 г. стал переломным в ходе второй мировой войны, определив многие измерения глобального конфликта и послевоенного мирового порядка, в том числе основные параметры взаимодействия главных государств антифашистской коалиции - СССР, США и Великобритании.

В течение двух предшествовавших лет «Великий союз» складывался медленно, причины чего заключались в недоверии Сталина западным союзникам; распространении среди англичан и американцев мнения о том, что сопротивление Советского Союза будет недолгим; различии стратегических интересов в послевоенном мире; значительных культурных и исторических отличиях стран – членов союза; неравномерности военных усилий, основная тяжесть которых ложилась на советское государство[1].

Однако после Сталинграда положение дел стало меняться: советское руководство осознало потенциальные производные от грандиозной военной победы, а западные союзники теперь были вынуждены думать о том, чтобы «не опоздать» к моменту оформления послевоенного мира. «Завершение грандиозной русской победы в Сталинграде изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего, – подчеркнул Р.Шервуд. В результате одной битвы, которая по времени и невероятному количеству потерь была фактически равна отдельной крупной войне – Россия стала в ряды великих мировых держав, на что она имела право по характеру и численности своего населения. Рузвельт понял, что должен теперь взглянуть в более далекое будущее, чем военная компания 1943 года, и заняться рассмотрением вопросов послевоенного мира»[2]. Эту необходимость понимал и британский премьер Черчилль. На горизонте маячила встреча союзников на высшем уровне и начало полномасштабной координации военно-политических действий.

Но именно в этот период взаимодействие СССР, США и Великобританией подверглось влиянию ряда факторов, усиливавших центробежные тенденции в «Великом союзе». Одним из них стала проблема советско-польских отношений.

На взаимодействие между основными союзниками по антигитлеровской коалиции негативное влияние оказало резкое ухудшение взаимоотношений между Советским Союзом и польским правительством, находившимся в Лондоне, связанное с «Катынским делом» – трагической судьбой нескольких тысяч польских офицеров, которые были расстреляны советскими карательными органами весной 1940 г. и захоронены в Катынском лесу в 14 км к западу от Смоленска. Советские власти, естественно, скрывали свою причастность к событиям.

Представители германских властей уже давно знали о том, что летом 1942 г. захоронения в

Катынском лесу обнаружили поляки, работавшие в военно-строительной организации Тодта. Но тогда военно-политическая обстановка была совершенно другой: германские войска успешно продвигались к Волге. К весне 1943 г. ситуация изменилась: активизация действий, направленных на внутреннее ослабление антигитлеровской коалиции, наносившей державам «оси» тяжелые удары, становилась насущной задачей.

«Катынское дело» дало рейхсминистру пропаганды Геббельсу «возможность развернуть уникальную пропагандистскую кампанию, что он и сделал с беспримерным размахом»[3]. 13 апреля 1943 г. германское радио сообщило: «Из Смоленска пришло известие, что местные жители показали германским властям одно из тех мест, где большевики руками ГПУ учинили расправу над пленными польскими офицерами – всего в то время было казнено десять тысяч человек»[4].

Далее последовала шумная пропагандистская кампания с использованием радио и прессы, освещавших визиты к захоронениям представителей различных польских организаций, в том числе подпольных, польских и американских военнопленных; журналистов из нейтральных стран; действия международной комиссии врачей; заявление Германии в Международный Красный Крест о создании комиссии для проведения немедленного расследования. «Катынское дело, – записал Геббельс в дневнике 17 апреля 1943 г., – становится колоссальной политической бомбой, которая в определенных условиях ещё вызовет не одну взрывную волну»[5].

Эти «волны» были направлены на то, чтобы «ударить по слабому звену антигитлеровской коалиции – отношениям между СССР и польским эмигрантским правительством; если не расколоть антигитлеровскую коалицию путем острого советско-польского столкновения, то, по крайней мере, создать значительные трения между СССР, США и Великобританией по польскому вопросу; навсегда поссорить русских с поляками, поколебать антифашистские позиции польского народа, быть может, получить возможность достичь германо-польского соглашения на антисоветской основе»[6].

Польское правительство, оказавшись заложником ситуации, стало действовать в соответствии с планами Берлина. Правительство генерала В.Сикорского, вопреки советам британского премьера У. Черчилля, 15 апреля дало указание своему представителю в Швейцарии обратиться к Международному Красному Кресту с просьбой о создании комиссии для расследования «Катынского дела». Зная о намерениях поляков, Германия на 30 минут раньше подала собственное заявление.

Москва крайне резко отреагировала на происшедшие события. В аналогичных по содержанию